

© 1994 г. ЧЕРНЫШЕВА М.И.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ
В РАННИХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПРИЕМ "ДВУЯЗЫЧНЫЕ ДУБЛЕТЫ"**

Прием "двуязычные дублеты" является одним из выражений вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка. О вариантности вообще существует обширная литература. Но в последнее время в науке изменился взгляд на вопрос вариантности в раннеславянских переводах. Поворот начался, как нам кажется, с работы А. Шёберга "Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия" [1], поскольку, благодаря сопоставлению с другими средневековыми переводами, пришло осознание того, что славянские переводы включены в современный им уровень европейской переводческой деятельности, отвечают требованиям своего времени и используют характерные для европейской науки переводческие принципы. А. Шёберг показал это на примере деятельности английского короля Альфреда (849–901 гг.), который перевел (надиктовал с латинского на древнеанглийский) *Regula Pastoralis* папы римского Григория для 10 английских епископов. Характерной особенностью переводческой техники Альфреда было то, что он зачастую переводил одно латинское слово двумя английскими словами-синонимами, объединяемыми союзом *and*. Своими наблюдениями А. Шёберг подтолкнул науку о славянской переводческой деятельности. По этому вопросу поднялась буквально лавина работ (см. [2–6, Огрен], ср. также ранее [7, 8])¹. Следуя советам А. Шёберга, Э. Ханзак обнаружил поразительное сходство описанных А. Шёбергом переводческих особенностей в древнеанглийском переводе со стилистическими приемами, используемыми Иоанном Экзархом Болгарским в его переводах "Шестоднева" и "Богословия".

Наблюдения, сделанные этими учеными, позволили им перейти к теоретическому философскому обоснованию бытовавшей в Европе в IX–X вв. переводческой практики и к описанию расхождений в использовании переводческих приемов. Возможным оказалось также по переводческим особенностям и редким высказываниям самих переводчиков обнаружить следы разногласий и споров, бушевавших в это время в интеллектуальной среде [9, 10].

Учитывая взгляды этих ученых, попытаемся изложить свою точку зрения. Она основана на одной из важнейших для средневекового мышления идей – на идее образа и подобия², которая очень сжато может быть сформулирована так: всякое земное явление есть лишь образ, отпечаток небесного первообраза – или: все явления –

¹Важные мысли в связи с этим прозвучали в последнем прижизненном докладе А. Шёберга "Старославянский перевод Евангелия на фоне бытующей в Европе IX века теории перевода". Доклад был прочитан в июне 1990 г. в Москве на конференции "Славянская Библия – ее история и вопросы изучения".

Особенно своевременным для нас было исследование И. Огрен, которое она любезно предоставила нам в рукописном виде. "К вопросу о теоретическом и практическом базисе древнейших славянских переводов". Это исследование предполагается опубликовать в *Stockholm Slavic studies*. Работа И. Огрен является основополагающей для хода наших рассуждений, поэтому в дальнейшем ссылаемся на нее следующим образом: Огрен.

²Мы употребляем здесь эти два слова, как будто бы они полные (или почти полные) синонимы. В эпоху первых славянских переводов это было не так. О первоначальных – весьма значимых (!) – различиях см. [11, 12].

символичны, за каждым кроется иной, значимый смысл (напомним, символ – это одна из разновидностей образа). Истоки средневековой идеи образа и подобия – отсюда и подражания – восходят к античной философии Платона. Сейчас для нас важны его представления о соотношении сущности и наименования, наиболее полно изложенные в диалоге "Кратил" [13]. Именно здесь сделана попытка обосновать лингвистически идеи: о подобии = подражании, доходящем до полного подобия = подобного подобия, и о неподобном подобии, которое было доведено позже до христианского символизма. Платон стремится доказать, что слово представляет собой некое подражание, подобие именуемого предмета: "ведь имя тоже в некотором роде есть подражание – μιμησις – как и картина" [13 (430e)]. Однако между вещью и именем не существует тождества, но связи отдаленные и опосредованные все же существуют: нельзя "изучать вещи из имен" [13 (439a)] Подражание может быть более совершенным или менее совершенным подобием подлинника, но оно никогда не бывает полностью тождественно подлиннику [13 (432d)]. Пытаясь осмыслить связь философских воззрений Платона с его лингвистическими представлениями, исследователи приходят к выводу, что "такое понимание связи между словом и именуемым предметом находится в полном соответствии с основной концепцией Платона, согласно которой чувственно воспринимаемый мир (а язык относится, разумеется, к этому миру) является отдаленным подобием истинно сущего, недоступного для восприятия чувствами, умопостигаемого мира идей" [14]. "Между идеей и явлением (φαινόμενον) (в данном случае, словом. – Ч М.) существует то же отношение, что и между понятием и восприятием, именно – отношение сходства, при этом идеи считаются реальными первообразами, на которые явления похожи, хотя, разумеется, лишь несовершенно. Отношение между явлением и идеей есть, таким образом, подражание (μιμησις)" [15]. По нашему мнению, несколько высказываний Платона в этом диалоге могли бы служить путеводными звездами переводчикам Устами Сократа он размышляет [13 (Cratylus)]: "И Кратил говорит истину, утверждая, что имена присущи вещам от природы, и что не всякий является мастером имен, но лишь тот, кто глядит на имя, от природы присущее каждой вещи, и может вложить его образ в буквы и слоги (390c) . Не кажется ли тебе, что у каждой вещи есть сущность (423e) ... Если бы кто-нибудь мог подражать этой самой принадлежности каждой вещи, ее сущности буквами и слогами, то разве он не показывает этими средствами, что представляет собой каждая вещь? (423c) ... Правильность имени... в том, что оно покажет, какова вещь (428) ... Значит, имена говорятся ради изучения" (428). Многое в отношении между сущностью и наименованием и самому Платону было неясно – ср. его рассуждения о "правильных" и "неправильных" именах, – но все же философское чутье подсказывало ему, что: "тем не менее вещь именуется и выражается до тех пор, пока на ней есть отпечаток вещи, о которой идет речь" (433) [13].

Разработкой проблем соотношения вещи = предмета и его наименования наиболее основательно занимались стоики (свидетельства об их учении полнее всего изложены Секстом Эмпириком). Им принадлежит введение лингвистической терминологии, употребляемой и поныне. τὸ σημαίνον "обозначаемое", τὸ σημαίνον "обозначающее" = ἡ φωνή "звук", τὸ τῷ ὄντι "предмет" (из приведенных первое понятие "бестелесное", а два вторых "телесные"); и открытие двойственной природы слова (ἄλλο ἐνδὸς λέξις "внутреннее слово", или "разум", ἄλλο ἐξωφωρικός "внешнее слово", или "то, что произносится", язык при этом является обнаружением разума); и обоснование понятия "смысл"; и понимание роли контекста для окончательного постижения смысла каждого слова [16, с. 187–190; 2, с. 16; 17; Огрен]. Поскольку стоики признавали внутреннюю, "природную" связь между словом и обозначаемым предметом (ср. у Платона: "имена говорятся ради изучения"), то это подразумевало, что анализ слова должен привести к постижению сущности соответствующего предмета, отсюда интерес стоиков к этимологизированию.

По свидетельству Оригена: "Стоики полагают, что первые слова подражают вещам" [16, с. 184–185].

Подводя итоги античных представлений о слове, Э. Ханзак обратил внимание на то, что в античности, различая семантическую и формальную истину, полагали, что она (т.е. истина) состоит в согласовании выражения с общим вещественным содержанием. Отношения между слоформой и вещественным значением объясняли не целевой установкой, как сейчас, а видели существенные причинные связи [2, с. 17]. Это-то и определяло то упорство, с которым в средние века переводчики искали нужное слово, способное выразить на другом языке вещественное содержание.

Следующим философом, своим учением о знаках оказавшим большое влияние на переводческие принципы христианского средневековья, был Августин, который вслед за стоиками теоретически разработал понятие слова: *dictio* (λέξις, λόγος) состоит, по его мнению, из двух компонентов – это *verbum* (ἡ φωνή, τὸ σημάδιον "звук", "обозначающее") и *dicibile* (τὸ λεκτόν, τὸ σημαίνόμενον "обозначаемое"); слово – знак для любого предмета (*verbum est uniuscuiusque rei signum*); слово является знаком, состоящим из определенных звуков (*sonus*) и смысла (*significatio*) [18 (*De Magistro*, гл. 34)].

Для Востока – Византии – Дионисий Ареопагит имел такое же значение, как для Запада Августин. Его труды причисляют к главным источникам неоплатонизма. Наиболее важным для нас представляется его трактат *De divinis nominibus* [19]. То, что именно Дионисий Ареопагит был неоспоримым авторитетом для первых славянских переводчиков, свидетельствует цитата из этого трактата в "Прологе" Иоанна Экзарха к переводу "Богословия" [19, col. 708]. Здесь сконцентрировано несколько идей, ставших отправными точками (и аргументами) при создании (и отстаивании в споре с противниками) переводческих принципов школы Кирилла и Мефодия и школы Иоанна Экзарха. А.А. Тахо-Годи, анализирувавшая этот трактат, особо отметила убежденность Дионисия Ареопагита в исконном для античного сознания единстве предмета наименования и его имени при указании на онтологическое, а не формальное понимание обозначаемого и обозначающего [20, с. 44]. Эта важнейшая цитата неоднократно служила предметом анализа (наиболее подробно несколько раз в своих работах к ней обращался Э. Ханзак; см. также: [6; 21, с. 29 сл., 20, с. 44]) Здесь первая, весьма значимая для переводчиков мысль, – о приоритете значения = смысла = "силы" слова по отношению к "пустым звукам", элементам, бессмысленным знакам и неизвестным словам. Вторая мысль – о допустимости и даже необходимости прояснения смысла слов другими, сходными по смыслу, ясными словами (τί μὲν ἢ τοιαύδε λέξις σημαίνει, πῶς δὲ αὐτὴν χρῆ καὶ δι' ἑτέρων ὁμοδυνάμων καὶ ἑκφαντικωτέρων λέξεων διασαφῆσαι). (Если задуматься о причинах введения этой цитаты Экзархом, то можно заметить, что здесь ясно слышатся отголоски спора о том, как следует переводить: *verbum de verbo* "пословно" или *sensum de sensu* "по смыслу".) Наконец, здесь же обнаруживаются предпосылки понимания роли лексической вариантности: сущность предмета, нелегко поддающаяся пониманию, может обозначаться целым рядом имен, и чем сложнее предмет, тем в большем количестве имен он нуждается. «Сущность вещей эманурует в ее именах, которые есть не что иное, как "выступления" сущности, обладающей всей полнотой скрытой в предмете силы, не убывающей и не дробящейся во множестве имен, но являющейся отпечатком (ἐκμαγαγεῖον, ἐκτύπωμα) или печатью (σφραγίς) самой субстанции. Познание сущности высшего Блага формируется из бесчисленного множества имен – эманаций» [20, с. 45].

Таким образом, платоновская идея о подобии = подражании слова его сущности разработана дальше. При признании единства предмета наименования и его имени допускается возможность в языке неформального подобия, когда мыслится, что сущ-

ность может выступать в разных именах (отсюда: в разных языках – что важно для переводческой деятельности).

Краткий обзор философских представлений о соотношении имени и сущности позволяет обратиться к переводческой деятельности, которая является их продолжением и выражением.

*

Главный вопрос, бывший краеугольным камнем при выборе переводческого стиля = переводческой манеры (что предполагало соблюдение определенных принципов), был вопрос о том, как следует переводить. Так как признается совпадение сущности в имени, то возможно несколько решений.

Первое решение. При условии полного соответствия перевода оригиналу (по-скольку, в данном случае, перевод и, главное, слово в переводе мыслится подобным подобием) появляется "буквальный перевод" с его требованием переводить *verbum de verbo* – "слово за словом" (т.е. воспроизводить структуру оригинала), а также использовать постоянный эквивалент, закрепленный за соответствующей лексической единицей оригинала [Огрэн; 10, с. 84–86]. Главным представителем этого направления был Аквила (II в.), который перевел Ветхий Завет на греческий язык так, что создавалось впечатление, что у него был еврейско-греческий словарь, где каждому еврейскому точно соответствовало определенное греческое слово. И. Огрэн назвала такой перевод "пословно-формальным" [Огрэн].

Второе переводческое решение также восходит к античным представлениям о том, что подражание может быть более или менее совершенным подобием подлинника, но оно никогда не бывает полностью тождественно подлиннику [13 (Craiylos 432d)]. Отсюда можно вывести представление о переводе как неподобном подобии. Такое понимание перевода позволяет, в свою очередь, предложить разные переводческие решения. Так, Руфин (IV–V вв.), например, в тех случаях, когда, по его мнению, невозможно было одним словом охватить двойственную природу слова, использовал два и более слов: *νοῦς* – *mens et ratio*; *θηρίον* – *animal et bestia*; *εὑρεῖν* – *invenire et profetege* [Огрэн; 22]. Этот метод называют "парафразой", "парафрастическим методом" (относительно терминологии [6, с. 38, примеч. 44]). Такой метод был очень распространен в средние века, по-видимому, переводчики видели в нем некоторый компромисс, возможность, с одной стороны, сохранить словесный порядок и дословность (*verbum de verbo*) (но без закрепления постоянной лексической единицы за определенным словом), а с другой стороны – передать смысл (*sensum de sensu*). Исследователи заметили этот метод: в древнеанглийском переводе короля Альфреда [1], в средневековых переводах на сирийский, готский, древневерхненемецкий [23], древнешведский, в латинских переводах с греческого Дионисия Ареопагита (IX в.) [Огрэн]. Для обозначения такого метода Э. Ханзак ввел термин "Doppel-, Mehrfach-übersetzung": "двойной", или "многократный" перевод, обнаружив его также в славянских переводах Иоанна Экзарха Болгарского [2, 7, 8].

Между первым и вторым переводческими решениями, определяющими направления, находится переводческая методика Иеронима, который, с одной стороны, с большим пиететом относился к оригиналу, что требовало точного воспроизведения структуры оригинала, а с другой стороны, с наименьшим уважением – к читателю, поэтому старался не только точно, но и понятно изложить подлинник [9]. Это привело к тому, что в переводе Иеронима не закреплялся постоянный эквивалент за определенным словом оригинала. И. Огрэн назвала такой метод "пословно-семантическим" и продемонстрировала его и выражающую этот метод вариантность на примерах перевода Вульгаты на латинский язык Бл. Иеронимом и славянского Евангельского перевода.

Таким образом, новейшие исследования убедительно доказали, что славянские переводы являются выражением идей неоплатонизма. Они основывались на развитой практической и теоретической основе и естественно вписывались в средневековые европейские переводы, занимают достойное место в этом ряду.

Итак, принимая в качестве основополагающего положения философскую идею о единстве предмета и его имени, переводчик должен был в каждом отдельном случае выбирать, слово какого языка считать истиной (речь идет о передаче нового понятия, а именно это было решающим моментом при глобальном столкновении двух культур и двух языков, поскольку принимающий язык должен был полностью впитать эту культуру). Напомним, что для античности и воспринявшей эту идею Византии истина – в согласовании выражения с содержанием. Что это означало по отношению к переводу? Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения, повторим отчасти сказанное, слегка изменив угол зрения, чтобы подвести к интересующей нас теме.

Если мыслилось, что в переводящем языке сущность полностью совпадает в имени переводящего языка, то возникали переводы, которые обычно называют "буквальными", "дословными", "этимологически точными" (подразумевая под "этимологией", в данном случае, формальную дословность, т.е. перевод слова по основному значению без учета контекста). Это стиль, восходящий к Аквиле.

Если сущность нового понятия раскрывалась в разных наименованиях переводящего языка (т.е. как бы распределялась по именам), то появлялись "двойные", или "многократные, переводы-дублиеты", их как характерный признак определенного переводческого стиля Э. Ханзак назвал "стилевыми дублиетами" (*stilistische Dubletten*) [8]. По сути, эти дублиеты представляют собой семантические поиски наименования ради прорыва к сущности. Этот прием является характерной чертой переводческого стиля Иоанна Экзарха Болгарского. Теоретическая основа этой школы – взгляды Бл. Иеронима и Дионисия Ареопагита, практическая основа – переводы Руфина и Бл. Иеронима. И, наконец, если за сущность нового понятия принимали греческое слово и в переводе его сохраняли как истину, вводя при этом в качестве наименования перевод этого слова, тогда появлялись д в у я з ы ч н ы е д у б л е т ы. Они иногда встречаются и в переводах Иоанна Экзарха как разновидность двойных дублиетов, но не являются характерным признаком его переводов.

Употребление двуязычных дублиетов – это характерная черта перевода Кирилла. Его переводы как прообраз определили деятельность последующих переводчиков, создавших корпус классических старославянских переводов.

В этой группе последователей Кирилла есть ответвление – направление, объединяющее переводы, названные нами "энциклопедическими переводами". Представители этого направления прием использования двуязычных дублиетов возвели в один из основных принципов своей деятельности, поскольку их переводы представляют собой пример просветительской миссии переводчиков, так как они стремятся переводческими средствами ввести максимальное число сведений. Двуязычные дублиеты в этих переводах не являются исключительно семантическими дублиетами, они удачно совмещают в себе обе функции, причем основной их функцией все же будет энциклопедическая. Поэтому группу переводов, осуществленных последователями Кирилла, мы назвали группой "энциклопедических переводов". Она в силу своей жанровой специфики свободна от неизбежного формализма теологических переводов и характеризуется экспериментальностью. Сюда мы относим перевод "Синайского патерика" (Патерик Син.) и "Хроники" Иоанна Малалы (Хрон. И. Малалы).

Обратимся к Евангельским переводам как к универсальному прообразу всех славянских переводов. Двуязычные дублиеты встречаются в Евангельских переводах настолько часто, что даже если часть их можно было бы объяснить временными напластованиями, все равно удивляет последовательность в их употреблении и наличие единой системы вариантов.

Возможно, как полагал А. Шёберг, это объясняется наличием первоначальной пары, которую при устном переводе Кирилл предложил своим писцам. Как бы то ни было, еще одним доказательством изначального наличия двуязычных дублиетов является употребление пар такого же типа в других раннеславянских переводах, о чем – ниже. Кроме того, аргументом в пользу неслучайности, намеренности в применении

этого приема является тот факт, что последователи Кирилла старались вводить двуязычные дублеты в непосредственной близости друг от друга, иногда через несколько строчек на одном листе рукописи, иногда – на соседних листах. Была ли такая же картина в Евангельском протопереводe или этот переводческий прием оформился позже и продолжатели деятельности Кирилла выработали принцип последовательности его использования уже в ходе осуществления более поздних переводов, конечно, неизвестно, в любом случае, это лишь доказывает, что такая вариантность как переводческий прием изначально существовала.

Мы опускаем сейчас хрестоматийные примеры двуязычных дублетов в Евангельских переводах, такие, как: *власфимит* – *хоула*, *динарь* – *пѣназь*, *ефимерит* – *чрѣда*, *впокрить* – *лицемѣрь* и мн. др. (подробнее см. [24]).

Между тем факт появления двуязычных дублетов может объясняться также отражением способа мышления на греческом языке (мы ш л е н и е п о п о д о б и ю). Подтверждения тому лежат на поверхности: в греческих текстах сплошь и рядом встречаются двуязычные дублеты. Вводя двуязычные дублеты, Кирилл мог исходить из хорошо отработанной в греческом языке практики литературной интерпретации иноязычных слов (для эпохи койне это были, главным образом, арамейские слова, на втором по значимости месте – латинские слова, пласт которых со временем увеличился).

Примеры из греческого Нового Завета показывают многообразие типов двуязычных дублетов. Следующие слова и выражения указывают на введение второго члена двуязычного дублета:

- 1) ἑρμηνεύω "переводить на другой язык", "толковать";
- 2) μεθερμηνεύω – с теми же значениями;
- 3) оборот ὃ λέγεται "называемый", "так называемый";
- 4) оборот ὃ ἔστιν "то есть" + форма от μεθερμηνεύω;
- 5) а также варианты этих слов и сочетаний, например: ὃ λέγεται μεθερμηνευόμενος.

В нижеследующей группе примеров вторые члены можно с некоторыми неизбежными оговорками считать полными семантическими соответствиями = эквивалентами, а пару можно назвать полным семантическим дублетом:

Матф. XXVII, 33: καὶ ἐλθόντες εἰς τόπον λεγόμενον Γολγοθά, ὃ ἔστιν κρανίου τόπος λεγόμενος, то же пояснение, но вводимое оборотом: ὃ ἔστιν μεθερμηνευόμενος; Марк. XV, 22;

Ио. IV, 25: οἶδα ὅτι Μεσσίας ἔρχεται, ὃ λεγόμενος χριστός ([27, с. 1029]: слово Μεσσίας употребляется только два раза и оба раза с переводом Χριστός, еще: Ио. I, 41);

Ио. XI, 16: εἶπεν οὖν Θωμᾶς ὃ λεγόμενος Δίδυμος τοῖς συμμαθηταῖς (такое же толкование повторяется в Ио. XX, 24) – Θωμᾶς – арамейское слово "близнец" – употреблялось только как прозвище, переведено соответствующим греческим, то же: Ио. XXI, 2;

Марк. III, 17: Βοανηργές, ὃ ἔστιν υἱοὶ βροντῆς "сыновья грома";

Марк. VII, 11: ἐὰν εἴπη... κορβᾶν, ὃ ἔστιν δῶρον – "дар";

Матф. I, 23: τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουήλ, ὃ ἔστιν μεθερμηνευόμενον μεθ' ἡμῶν ὁ θεός – Эммануил – "с нами Бог".

Заметим, что второй (греческий) член двуязычного дублета может быть не одной лексемой, как первый член этой пары, а сочетанием слов. Такие вторые члены

двуязычных дублетов, входящие в состав этой группы, можно назвать описательными эквивалентами.

Обратим внимание на случаи неполного семантического соответствия – примеры ниже. Все же вторые члены можно считать семантически близкими эквивалентами, поскольку близость такого рода обусловлена контекстом. Отсюда и сама пара может быть названа семантически близким двуязычным дублетом:

Ио. I, 38: οἱ δὲ εἶπαν αὐτῷ· ῥαββί (ὃ λέγεται μεθερμηνεούμενον διδάσκαλε. В. Бауер считает, что здесь греческое соответствие является смысловым, но не дословно точным переводом еврейского слова [25, с. 1467];

Ио. XX, 16: ῥαββουνί (ὃ λέγεται διδάσκαλε);

Ио. I, 42: σὺ εἶ Σίμων ὁ υἱὸς Ἰωάννου [вар.: Ἰωνᾶ, σὺ κληθήσῃ Κηφᾶς (ὃ ἔρμηνεύεται Πέτρος). Κηφᾶς – арамейское слово, второе имя Симона, его греческое соответствие Πέτρος ([25, с. 878, 1319]: высказывается соображение о загаочности такого употребления; то же: Ио. XX, 2.

Картина усложняется, когда мы обнаруживаем примеры не семантических, а метафорических соответствий, где второй член пары – метафорический эквивалент (или = аллегорический эквивалент) – исключительно контекстуально обусловленное явление, и эквивалентом его можно назвать лишь очень условно, имея в виду соотношение с другим языком:

Ио. IX, 7: ὕπαγε νίψαι εἰς τὴν κολυμβήθραν τοῦ Σιλωάμ (ὃ ἔρμηνεύεται ἀπεσταλμένος) – здесь вообще не перевод названия Силоам (Силоамского бассейна. – ?) ([25, с. 198]: "по отношению к Иисусу переведено ἀπεσταλμένος");

Деяния IV, 36: Ἰωσῆς δὲ ὁ ἐπικληθεὶς Βαρναβᾶς ἀπὸ τῶν ἀποστόλων, ὅς ἐστιν μεθερμηνεούμενον υἱὸς παρακλήσεως "сын утешения" – о Варнаве ([25, с. 268]: "все же не совсем ясно, как получился такой перевод");

Евр. VII, 2: [ὁ Μελχ: ζέδεκ]... πρῶτον μὲν ἔρμηνεούμενος βασιλεὺς δικαιοσύνης – "царь правды" – это не перевод, а может быть, попытка этимологизации или что-то типа прозвища, заключающего в себе указание на конкретную историческую деятельность Мелхиседека (подразумевается ситуация из Быт. XIV, 18). Название Мелхиседека βασιλεὺς Σαλήμ получает еще пояснение "царь мира". В. Бауер указывает на сходное употребление у Филона: Μελχισέδεκ βασιλεῖα τῆς εἰρήνης – Σαλήμ τοῦτο γὰρ ἔρμηνεύεται [25, с. 1482] – ср. Евр. VII, 2: βασιλεὺς Σαλήμ, ὅς ἐστιν βασιλεὺς εἰρήνης.

Помимо практической ценности самой возможности использования метафорических дублетов в языке, который представляет собой образец для переводчиков, они еще являются примерами указания на совершенно необходимое для христиан умение читать = понимать то, что скрыто за словами, – образный смысл, "вышний разум", "сокровенное" (о восприятии этого явления славянами при столкновении с византийской словесностью см. [21, с. 33–34]).

В Евангелии есть группа двуязычных дублетов, первый член которых формально представляет собой иноязычное вкрапление, т.е. морфологически неадаптированную форму с сохранением всех грамматических признаков исходного языка (об иноязычных вкраплениях как о языковом явлении и о функционировании их в переводных текстах см. [26]). По сути, это разновидность полных семантических дублетов. Эту группу можно назвать фразовыми дублетами, поскольку в качестве вкрапления выступает не одно слово, а целая связанная фраза. Во всех примерах это прямая речь, восклицание, в котором сохранено арамейское звучание:

Марк. V, 41: λέγει αὐτῇ ταλιθα κόυμ, ὃ ἔστιν μεθερμηνευόμενον· τὸ κοράσιον, σοὶ λέγω, ἔγειρε "... девочка, говорю тебе: встань";
Марк. XV, 34: ἔλωϊ, ἔλωϊ λαμιά σαβαχθάνι; ὃ ἔστιν μεθερμηνευόμενον· ὁ θεός μου, ὁ θεός μου, εἰς τί ἔγκατέλιπές με; "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?";
Марк. VII, 35: λέγει αὐτῷ ἔφραθα, ὃ ἔστιν διανοίχθητι "отверзись".

Среди случаев употребления двуязычных дублетов встречаются такие, которые можно назвать **о б р а т н ы м и д у б л е т а м и**, когда первый и второй член пары меняются местами, при этом все функции членов пары остаются теми же, особенно в этом смысле показателен пример:

Ио. XIX, 17 (ср. Матф. XXVII, 33; Марк. XV, 22): ἐξῆλθεν εἰς τὸν λεγόμενον κρανίου τόπον ὃ λέγεται Ἑβραϊστὶ Γολγοθά.

Очень интересный пример, когда соответствием греческому слову служит, видимо, давно адаптированное слово σαββατον, на его освоенность указывает греческая приставка про-:

Марк. XV, 42: ἐπεὶ ἦν παρασκευή, ὃ ἔστιν προσάββατον.

Латинские слова в качестве второго члена пары:

Марк. XV, 16: οἱ δὲ στρατιῶται ἠλήγαγον αὐτὸν ἐς αὐτῆς αὐλῆς, ὃ ἔστιν праetόριον (praetorium);

Марк. XII, 42: καὶ ἐλαθοῦσα μία χήρα πτωχὴ ἔβαλον λεπτὰ δύο, ὃ ἔστιν κοδράντης (quadrans).

Может быть, появление в качестве второго члена (называющего) иноязычного слова определено контекстуальными причинами: первые два примера в группе обратных дублетов указывают на реалии иудейской действительности, в двух последних примерах употребляется терминология эпохи римского владычества. Кроме того, введение иноязычного названия в качестве второго члена в двуязычных дублетах может выполнять еще одну функцию – энциклопедическую, что, по нашему мнению, было признаком тогдашней интеллигентности.

Итак, мы видим, насколько разнообразна картина двуязычных дублетов в греческом языке. Для подбора эквивалентов выбираются, главным образом, имена собственные, географические наименования, названия специальных предметов, т.е. терминологически окрашенные слова. Но именно этот пласт лексики попадает в славянские переводы в качестве заимствований! Таким образом, в греческом языке задолго до славянских переводов сложилась система введения в текст иноязычных слов и способы их интерпретации (двуязычные дублеты). Эта литературная практика и явилась базой для раннеславянских переводов. Мы называем это явление "мышлением по подобию". Это вовсе не означает наивную подражательность, просто в средние века произошло оформление структур всех европейских языков (не только славянского литературного языка) по категориям греко-римского мышления [2, с. 18].

Добавим, кстати, что в греческом тексте Евангелия можно обнаружить также и **гомогенные дублеты**, т.е. слова на одном языке, которые также представляют собой пары, две части которых соединены теми же словами: λεγόμενος, ὃ ἔστι, например, Колос. I, 24; Колос. III, 14 (сейчас мы не останавливаемся на вопросе об их функциональной нагрузке).

Все это ведет нас к истокам лексической вариантности в славянском переводе Евангелия и затем в других раннеславянских переводах, что, к тому же, подкрепляется средневековыми переводческими теориями.

Сказанное позволяет нам перейти к описанию двуязычных дублетов (как к одному из переводческих приемов) направления последователей Кирилла, названного нами "энциклопедическими переводами". Выше было сказано, что к этому направлению

мы причисляем два раннеславянских перевода: "Синайский патерик" и "Хронику" Иоанна Малалы. Время возникновения перевода "Синайского патерика" – неизвестно, но по схожести переводческих приемов с приемами в переводах Кирилла и, базируясь на лексических данных [27], есть основания поместить этот перевод непосредственно близко к Кириллу. Т.А. Иванова даже, используя свидетельство о том, что Мефодий "оѣхъскѣ книги прѣложи", предположила, что Мефодий и был автором перевода "Синайского патерика" [27, с. 152]; иначе [28]. Что касается "Хроники" Иоанна Малалы, то этот перевод обычно датируют X в., относить его к эпохе правления болгарского царя Симеона, при этом основываются на записи в "Хронографе" (где сохранилась "Хроника"). Впрочем, эту запись только с большой натяжкой можно отнести к "Хронике" (ср. [29]). Переводческие приемы этих двух произведений настолько схожи, что у нас нет никаких сомнений в их принадлежности к одному переводческому направлению (мы не имеем возможности останавливаться подробнее на этом вопросе).

Двуязычные дублеты, встречающиеся в славянском переводе "Хроники" Иоанна Малалы, описаны нами в отдельной работе (см. [26]). И если в этом переводе двуязычных дублетов сравнительно немного, то в переводе "Синайского патерика" этот прием доведен до совершенства, причем необходимо специально указать на то, что, за редкими исключениями (и только эти исключения, кстати сказать, вызывают сомнения, в отличие от закономерных случаев), оба члена пары расположены в непосредственной близости друг от друга: часто в пределах одного, двух листов рукописи, реже – далее (при этом нужно учесть, что текст иногда не давал возможности употребить рядом оба члена пары).

Из многочисленных примеров двуязычных дублетов обратим особое внимание на наиболее близко расположенные (некоторые пары с иной трактовкой вопроса приведены в работе В.Ф. Дубровиной – см. [30]):

ав'ва – оѣъ 70.12–14 – рядом;

анафора – мѣтва възнесени ѿѿ 105.17–18–105.15;

ар' марши (-ъ, -ь) – ковѣчегъ 55об.3.6–7, 8–170.16 (дальнее отстояние членов пары вызывает у нас сомнения, все же для полноты картины приводим этот случай);

дѣмонъ – бѣсъ 31–31об.;

диаволь – бѣсъ 25об.10–25об.14;

икона – образъ 31.13–14;

етерь – подроугъ 79об.1–81.8–9;

еукрасъ – оукропъ съ водо ѿѿ 129об.17–130.3–4, 130.7–8;

еулогитѣ – блѣнѣ 88.8–88.9,10;

емнохъ – каженикъ 129об.13–128об.9 [ср. также: *скопѣць* 26об.20–21];

еухита – мѣтва възнесени ѿѿ 105.16–105.15;

кавара – чистыѣ 158об.12–159.3;

каволики – съборьнатѣ ѿрки 15об.7–14об.11–12, 17.17 и др.;

калогерь – добрый старѣць 142 об.1–171 об.14 (этот случай по причинам, изложенным выше, вызывает у нас сомнения);

канонъ – заповѣди 99об.20–99.3;

канонъ – слоужьба 102.8–101об.15 – как видим, для двух значений употребляются две пары двуязычных дублетов:

келитѣ – клѣтъ 94об.16–94.4; 100.6–99об.3 (в пределах конца рукописи, не имеющего соответствия в издании греческого текста у Миня [31], обнаруживается мощная вариантность, которая отличается от характерного для всего памятника способа создания двуязычных дублетов: въ *келитѣхъ* рекъше въ *клѣтъхъ* 167.19, *хызина* 168.91. *хъжа* 163, 14, *храмъ* 164 б);

клирикъ – *причѣтъникъ* 20об.17–20об.18;
клирость – *цркъвѣници* 104об.10–101.5–6;
куновии и *манастырь* (исконно греческое слово, но абсолютно адекватное – в силу освоенности – эквиваленту) 3боб.1 и 5.11, 19–20 и др. – *общице житиѣ* 4об.1–2; 6б.6–7;

коуновиар'хъ – *старѣшина обща житиѣ* 6боб.15–16–101об.13;
коловиѣ – *ризы* 8боб.5–6–85.14, 87.14–15, при первом употреблении слова
колѣбѣиоу – *плетена котыжица* 64.15;

литоур'гиста – *служба* два раза рядом эти слова в виде глоссы: 89.10; 163.13. причем это случай самостоятельного, лексически не подкрепленного греческим оригиналом введения двуязычного дублета, если, конечно, верить изданию, (где: *σύναξις*);

**малакше* – *кошьница* 48.1–124об.15;
манастриѣ, 39об.19–20, 40.9–10, 40.16 – *чърноризица* 40.18, 40 об. 11, *чръница* 44об.2;

мънихъ – *чър'норизыць* 21об.9–10 – 20.2–3;
навѣклиръ – *кораблю старѣшина* 49об.8–9 – 49.19;
**носокомше* – *гостиница иде же болше полагаемѣ сѣть* 6об.16–17 – 29.11–12;
палиониѣ – *одежда ветъхлѣ* 82об.10–11 – 117об.4 (видимо, здесь попытка про-
этимологизировать слово *παλλῖον*);

панигуръ – *праздъникъ* 157об.13–14 – 152об.2;
пур'гше – *клѣть* 7.13 – 7.17, *хъзина* 20.16;
стихаръ – *риза соукъна* 73.3–4 – 60об.20–61.1;
стихологисати – *пѣти п'сал'тырю* 73об.10 – 73.5;
соун'кель – *сѣклѣтъникъ*, *соуклѣтъникъ* 89.2.4.8 – 29об.6; 103.9–10;
схолостикъ – *мѣжъ бесана* 170.5, 15 – 169об.6;
филипонъ – *трудолюбивый* 123.17 – 122.11 с глоссой, 122.7, *трудолюбыць* 121.16;

**фолера* – *мѣданица* 41.10 – 79об.6.7.11.13;
фотизма – *просвѣщениѣ* 160.16 – 160об.4.
Кроме того, в этом памятнике есть случаи употребления двуязычных дублетов среди географических наименований:
Егены – *Козитакъ* 19.1 – 15об.12;
Каламонъ – *Тръстиѣ*, *Тръстичиѣ* 31об.18 – 28.6, 28.7–8;
месопотамланинъ – *межурѣчанинъ* 45.15–16 – 46.4.

Столь разветвленная последовательная система двуязычных дублетов (44 пары), члены которых расположены, к тому же, как правило, в непосредственной близости по отношению друг к другу (27 пар), не оставляет сомнений в сознательности ее введения в перевод. Для сравнения заметим, что Иоанн Экзарх в переводе "Богословия" употребил только 11 пар двуязычных дублетов, причем его дублеты – особого рода, они требуют специального описания, поскольку отражают склонность автора к этимологизированию (на этом вопросе сейчас не останавливаемся).

Таким образом, новый угол зрения дает возможность, как нам кажется, и не только изменить представление хотя бы о некоторых причинах вариантности и ее функциональных задачах в переводе, но и позволяет на этой основе группировать переводы, поскольку прием последовательного употребления двуязычных дублетов является отличительным признаком далеко не всех переводов с греческого языка. Но это уже тема другого разговора.

ИСТОЧНИКИ

Патерик Сина.: Синайский патерик / Изд. подг. Гольшенко В.С., Дубровина В.Ф. М., 1967.

Хрон. И. Малалы: Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 1: Записки АН по историко-филологическому отделению. Т. I. № 3. СПб., 1897; Кн. 2: Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете (далее – ЛИФО). Т. X. Византиско-славянское отделение (далее – Виз.-слав. отд.), VII. Одесса, 1902; Кн. 4: ЛИФО. Т. XIII. Виз.-слав. отд., VIII. Одесса, 1905; Кн. 5: ЛИФО. Т. XVI. Виз.-слав. отд., IX. Одесса, 1910; Кн. 6, 7: Сборник отделения русского языка и словесности (далее – Сб. ОРЯС). Т. 89. № 3. СПб., 1911; Кн. 8, 9: Сб. ОРЯС. Т. 89. № 7. СПб., 1912; Кн. 10: отдельный оттиск. Одесса, 1912–1913; Кн. 11–14: Сб. ОРЯС. Т. 90. № 2. СПб., 1913; Кн. 15–18: Сб. ОРЯС. Т. 91. № 2. Пг., 1914.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шюберг А. Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия // *Palaeobulgarica*. 1980. IV.
2. Hansack E. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1981. Bd 26.
3. Hansack E. Sprachphilosophie im Hexaemeron des Exarchen Johannes. Ihr Einfluss auf den Übersetzungsstil // *Anzeiger für slavische Philologie*. 1986. Bd 17.
4. Hansack E. Das Kyrillisch-mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1986. Bd 31.
5. Thomson F.J. Sensus or Proprietas Verborum. Medieval Theories of Translation as Exemplified by Translation from Greek into Latin and Slavonic // *Selecta Slavica*. 1988. XIII.
6. Thomson F.J. John the Exarch's theological Education and Proficiency in Greek as revealed by his abridged Translation of John of Damascus' "De Fide Orthodoxa" // *Palaeobulgarica*. 1991. XV. 1.
7. Hansack E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // *Palaeobulgarica*. 1977. I. 3.
8. Hansack E. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1979. Bd 24.
9. Winkelmann F. Einige Bemerkungen zu den Aussagen des Rufinus von Aquileia und des Hieronymos über ihre Übersetzungstheorie und –methode // *KYRIAKON. Festschrift Johannes Quasten*. V. II. Münster, 1970.
10. Brock S. Aspects of Translation Technique in Antiquity // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1979. V. 20.
11. Чернышева М.И. К истории слова образ // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. I. М., 1991.
12. Чернышева М.И. "По образу и подобию..." // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991.
13. Platonis opera (Scriptorium classicorum bibliotheca oxoniensis) T. I. Oxonii, 1961.
14. Перельмутер И.А. Платон // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. С. 142.
15. Виндельбанд В. Платон. СПб., 1900. С. 100.
16. Перельмутер И.А. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
17. Леонтьев А.А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // ВЯ. 1988. № 1.
18. Patrologiae cursus completus. Series latina. 1865. T. 32. Col. 1214.
19. Patrologiae cursus completus. Series graeca. 1857. T. 3.
20. Тахо-Годи А.А. Античная традиция об имени и предмете наименования в Ареопагитиках // Античная балканистика. 3: Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. М., 1978.
21. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976.
22. Wagner M. Rufinus, the Translator // *The Catholic University of America. Patristic Studies*. V. LXXIII. Washington, 1945. P. 35–37.
23. Hansack E. Zur Technik der Doppelübersetzung. Zwei Beiträge aus slavistischer Sicht: 1. Die Praefatio Brixiana. 2. Notker der Deutsche // *Anzeiger für slavische Philologie*. 1987. 18.
24. Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. В., 1913.
25. Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der frühchristlichen Literatur. 6. Aufl. / Hrsg. von Aland K. und Aland B. В.; N.Y., 1988.
26. Чернышева М.И. К характеристике славянского перевода "Хроники" Иоанна Малалы (роль иноязычных вкраплений) // Византийский вестник. 1983. Т. 44.
27. Иванова Т.А. Заметки о лексике Синайского патерика (К вопросу о переводе Патерика Мефодием) // Проблемы современной филологии. М., 1965.
28. Birkfellner G. Zur Frage der "отъязыкънъ кънигы" // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. 1980. Bd. 26.
29. Истрин В.М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 354.
30. Дубровина В.Ф. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964.
31. Patrologiae cursus completus. Series graeca. 1860. T. 87. 3.